

ПРИХОДСКАЯ №131-132

МАЙ-ИЮНЬ 2019

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

**16 июня – День Святой Троицы.
Да будут всегда с каждым из нас Отец, Сын
и Святой Дух!**

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Обращение к приходу

о. Александр Борисов
Он приходит к каждому 2

События и факты

Юлия Зайцева
Александр Мень и библеистика
(круглый стол) 5

Приход: жатва и делатели

Евангелие за колючей проволокой
Данил Колосов
Московский священник
в «Полярной сове» 8

Григорий Зобин
Академия в светлице 10

Михаил Завалов
Жан Ванье и его праздник
бедных 16

Наше всё

Александр Зорин
Заметки о Пушкине 21

Каждый пишет, что он слышит

Ольга Ерохина
Песнопения в Новой Деревне 26

С нами по соседству

Григорий Бродский
Здесь был Пушкин 27

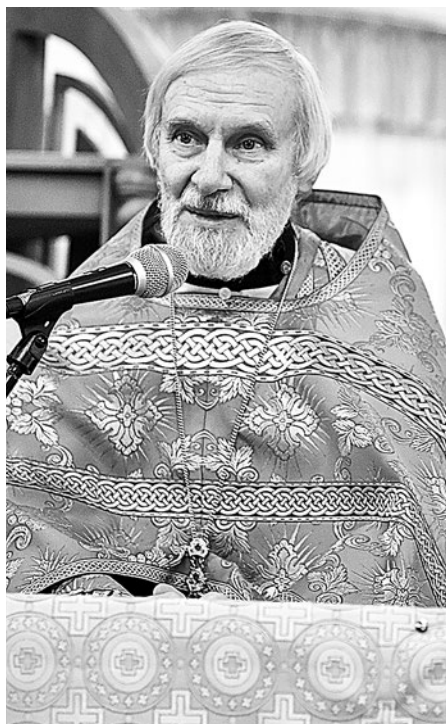
Троица Ветхозаветная. Фрагмент мозаики VI в.
Базилика Сан Витале, Равенна

Дух Божий — это Господь, Который сошел на апостолов. Дух Божий — это сила Творца, которая пришла к роду человеческому. Дух Божий — это Тот, Кого мы все с вами призываем, молясь: «Приди и вселися в ны!» Дух Божий — это главное откровение нам после явления в мир Христа Спасителя. И сам Он сказал: «Когда Я не буду больше с вами плотски, на земле, Я пошлю вам другого Утешителя».

Протоиерей Александр Мень
(из проповеди на Праздник День Святой Троицы,
25 мая 1980 года)

Он приходит к каждому, стучась в дверь сердца

**Протоиерей Александр Борисов,
настоятель**

Дорогие друзья!
Прежде всего, в связи с Великим праздником Христова Воскресения, приведу несколько выдержек из Пасхального послания главы нашей Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Кирилла:

«В этот дивный и высокотожественный день, наполненный особой радостью о восставшем из гроба Господе Иисусе, сердечно поздравляю всех вас с великим и миротворительным праздником Пасхи и обращаю к вам древнее жизнеутверждающее приветствие: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Вера в воскресение Господа Иисуса является тем незыблемым основанием, тем непоколебимым столпом, на котором зиждется христианство. «Если Христос, умерев, не смог воскреснуть», — говорит святитель Иоанн Златоуст, — *то и грех не истреблен, и смерть не побеждена, <...> и не мы только тщетно проповедовали, но и вы*

тщетно уверовали» (Беседа 39 на 1-е послание к Коринфянам).

Своим искупительным подвигом Спаситель соединил Небесное и земное, Вечное и временное, Творца и творение, Бога и человека. Он преодолел ту пропасть, которая на заре истории отделила первых людей от их Создателя.

Христос, как *непорочный и чистый Агнец Божий, берет на Себя грех мира* (1 Пет. 1:19; Ин. 1:29). Являя послушание Небесному

Господь являлся по Своему Воскресению. Он явился многим и каждому по-разному.

В одних обстоятельствах это была плачущая Мария Магдалина, скорбящая у пустого гроба; в другом случае это был Петр, растерянный и смущенный, вернувшийся из сада, где он нашел гробницу с отваленным камнем. Потом мы видим учеников на озере. Иоанн чувствует Его сердцем и узнает Его, Петр же, бросаясь вплавь, спешит

Своим искупительным подвигом Спаситель соединил Небесное и земное, Вечное и временное, Творца и творение, Бога и человека. Он преодолел ту пропасть, которая на заре истории отделила первых людей от их Создателя

Отцу даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2:8), Он приводит человечество к его Создателю, примиряет его с Ним. Будучи Сыном Божиим по природе, Он соделывает нас сынами Божиими по благодати. Господь открывает нам путь нравственного преобразования и духовного восхождения к вечной и блаженной жизни с

к Нему. Как мы читаем в посланиях апостола Павла, среди последних, кому явился Господь, был он, Павел-Савл, который гнал Церковь Божию.

Это продолжается и сейчас. Христос, воскресший незримо, но осязательно, является каждому. В жизни каждого из нас, кто хотя бы на мгновение чувствовал бли-

Христос, воскресший незримо, но осязательно, является каждому. В жизни каждого из нас, кто хотя бы на мгновение чувствовал близость миров иных, совершается встреча с воскресшим Господом. Он приходит к каждому, стучась в дверь его сердца, находя нужные слова. И наше дело услышать, наше дело отозваться на этот стук

Богом в *невечернем дни Царствия Его* (Канон Святой Пасхи)».

Также желание моего сердца поделиться с вами несколькими выдержками из проповеди на Пасху о. Александра Меня.

«Сегодня мы с вами должны подумать об одной важной вещи, которую не все замечают, когда читают о тех светлых днях, когда

зость миров иных, совершается встреча с воскресшим Господом. Он приходит к каждому, стучась в дверь его сердца, находя нужные слова. И наше дело услышать, наше дело отозваться на этот стук, потому что Господь пришел спасти, одухотворить и изменить жизнь не только всех, но и каждого из нас.

Поэтому сегодня, в Пасхальный день, возвращаясь домой, пусть каждый из вас унесет в сердце и эту радость и мысль, что Господь и мне явился. Он и для меня воскрес, и со мной остается, и будет всегда как мой Господь, как мой Спаситель, как мой Бог. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

В дни после Пасхи очень всем рекомендую не прекращать чтения Св. Писания. Тем, кто за время поста еще не прочел Евангелия от Иоанна, то очень было бы хорошо читать его сейчас, по одной главе ежедневно. А также хорошо бы перечитать книгу Деяний святых апостолов. Обе эти книги Нового Завета читаются в эти дни и в Церкви за Литургией.

Евангелие от Иоанна все проникнуто как бы переживанием уже совершившегося Воскресения. А книга Деяний рассказывает о том, как жила первая Церковь после Пасхи Христовой.

Всем нам желаю здоровья, сил, радости и помощи Божией во всех наших делах и планах. Храни вас Бог! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Питер Брейгель Старший.
«Воскресение Христово» 1560 г.

В память Бутовских новомучеников

18 мая, в праздник Собора новомучеников, в Бутове пострадавших, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию на Бутовском полигоне — месте массовых расстрелов и захоронения жертв политических репрессий, в том числе многих священнослужителей и мирян, прославленных ныне в сонме новомучеников. Среди собравшихся была и группа прихожан нашего храма, которую возглавлял о. Александр Борисов.

на Украине, начал на Украине свой пастырский священнический подвиг, а затем, в годы лихолетия, много пострадал, был в том числе на Соловках, и в конце 1937-го года принял мученическую кончину здесь, на Бутовском полигоне», — сообщил отец Кирилл, вручая икону.

«Владыка был стойким хранителем веры Православной. В годы, когда он находился на Соловках, он тайно совершал Божественные

Празднование это переходящее, отмечается в четвертую субботу по Пасхе.

На сугубой ектении были вознесены прошения о единстве Православной Церкви и сохранении Церкви от разделений и расколов. Затем Святейший Патриарх Кирилл совершил молитву о мире на Украине.

Были вознесены молитвы о упокоении душ усопших рабов Божиих, «за веру и правду страшные страдания, истязания и мученическую кончину в годы лихолетия претерпевших и на месте сем погребенных, их же имена Ты Сам, Господи, веши».

Проповедь перед причастием произнес протоиерей Дмитрий Кувырталов, настоятель храма Архангела Михаила в Летове (Ильинское благочиние викариатства Новых территорий Московской городской епархии).

По завершении Литургии Предстоятель Русской Право-

славной Церкви совершил молебен святым новомученикам и исповедникам Церкви Русской и заупокойную литию по всем погибшим и погребенным на Бутовском полигоне. Затем был пропет тропарь праздника Пасхи.

Святейший Патриарх Кирилл в дар храму Новомучеников и исповедников Церкви Русской на Бутовском полигоне передал список Тихвинской иконы Божией Матери.

Настоятель храма протоиерей Кирилл Каледа приветствовал Святейшего Владыку. «Сегодня в 20-й раз эта Божественная литургия под открытым небом, возглавляемая Предстоятелем нашей Поместной Церкви, совершилась здесь, на Бутовском полигоне», — отметил отец Кирилл. Он преподнес Его Святейшеству икону священномученика Аркадия (Остальского), епископа Бежецкого, викария Тверской епархии.

«Священномученик Аркадий (Остальский) родился на Волыни,

литургии, в которых принимал участие Ваш дедушка, приснопамятный отец Василий. И мы дарим этот образ Вам с молитвенным пожеланием помощи Божией от новомучеников в Вашем Патриаршем служении», — добавил настоятель.

В ответном слове Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Благодарю вас сердечно! Я почитаю Преосвященного Аркадия (Остальского), о котором я в самом своем раннем отрочестве узнал от своего деда, который, буду-

чи еще мирянином и находясь в заключении за веру Христову на Соловках, помогал владыке Аркадию тайно на лесосеке совершать Божественную литургию, за что оба были наказаны: дед — тридцатью днями пребывания в страшном смертном изоляторе на Секирной горе, где он чудом выжил. А владыка Аркадий получил вдобавок к сроку еще пять лет, и в 37-м году был расстрелян здесь, на этом месте».

Затем Святейший Патриарх посетил экспозицию Бутовского музея памяти пострадавших.

*(По материалам порталов
Московского Патриархата
и «Фома»)*

Александр Мень и библеистика

В Российском Библейском обществе был проведен круглый стол «Библия в мировой культуре: библейское наследие в жизни и творчестве протоиерея Александра Менья». Речь шла о том, какую роль сыграл о. Александр Мень в восстановлении и развитии отечественной библеистики, а также о влиянии библейских идей, образов и повествований на духовный и культурный опыт современного человека.

Ведущий круглого стола — доктор исторических наук, библеист и переводчик Евгений Рашковский напомнил, что протоиерей Александр Мень — известный пастырь, миссионер, просветитель — был также «корифеем библейского дела в России» и одним из тех, кто возрождал Российское Библейское общество.

Протоиерей Виктор Григоренко, настоятель Сергиевского храма в поселке Семхоз, построенного на месте гибели о. Александра Менья, посвятил свое сообщение анализу той критики, которой подвергается о. Александр после мученической кончины. В частности, в 2012 г. о. Виктор обнаружил, что сайт

Сергиевского храма в епархиальном миссионерском сборнике отнесен к числу «антимиссионерских». Вступив в переписку с автором обзора, настоятель узнал много удивительного: этот сайт якобы «имеет карикатурные черты языческого капища»; протоиерей Александр Мень, на крови которого воздвигнут храм, «едва-едва признается Церковью православным»; взгляды о. Александра являются «покушением на основы человечности» и т.д. В ответ на просьбу привести соответствующую аргументацию о. Виктор получил компиляцию из высказываний о. Александра, вырванных из контекста, причем с многочисленными пропусками и искажениями, с умышленно допущен-

ными ошибками в ряде фрагментов, что явно привело к изменению смысла. При этом автора обзора не убедили ссылки на высокую оценку трудов о. Александра священноначалием. «Это пример того, что делают «оппоненты» о. Александра, чтобы скомпрометировать его как пастыря и исследователя Библии», – заключил о. Виктор.

«В центре богословия о. Александра Меня – идея богочеловечества», – начал свое сообщение иеромонах Иоанн (Гуайта), клирик московского храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине. Эта идея стала ключевой для уникальных исследований о. Александра в области библеистики и истории рели-

гий, в которых он показал, что вся эволюция религиозного сознания человечества, начиная с языческих времен, была пронизана «предчувствием Благой вести». По словам о. Иоанна, «православный гуманизм» о. Александра, который никогда не противопоставлял светскую и церковную культуру, был открыт к диалогу с миром, стремился в условиях советских запретов принести в мир весть о Христе, – это главный вклад священника в православное богословие в XX веке. И сегодня развивать «абсолютно библейское» богословие «православного гуманизма» особенно важно, учитывая появление «богословия этноса», обосновывающего патриотизм и национализм. Последняя тенденция, если ей ничего не противопоставить, заведет Церковь в изоляцию, превратит ее в секту, не способную освящать мир, предупредил об опасности иеромонах.

Идея богочеловечества – ключевая и для подхода о. Александра к Священному Писанию, считает священник Филипп Парфёнов. Ему часто приходится отвечать посетителям православных интернет-ресурсов на вопросы о Библии. Этот интерес не угасает, как не устаревает и «здоровый церковный подход» о. Александра Меня к Священному Писанию. Так, он писал, что, согласно святоотеческому толкованию, все Писание богодухновенно, но «вдохновенность Святым Духом может иметь разную степень, и это не отменяет ни историчности, ни личного авторства библейских книг». Излагая таким образом под-

ход о. Александра, о. Филипп подчеркнул, что, изучая историю «избранного народа», историю создания Писания, о. Александр был чужд гиперкритического или буквалистского взгляда, показывая пример «интерпретации духовных явлений через особый язык образов», подобно восприятию иконописи. «Придет время, когда здравые силы в нашей Церкви будут припадать к наследию о. Александра Меня как к примеру уравновешенного богочеловеческого подхода к Священному Писанию», – надеется священник.

Роза Адамянц – редактор большинства книг о. Александра Меня, изданных Фондом его имени. Она рассказала о создании священником двух трудов, которые внесли наиболее весомый вклад в библеистику, – «Исагогика» и «Библиологический словарь». Сейчас невозможно представить, как, не имея полноценного доступа к информации, к исследованиям зарубежных библеистов, собирая сведения по крупицам по всему миру (иногда, чтобы выяснить всего лишь ту или иную дату, о. Александр писал письма в разные страны), священнику удалось создать два эти фундаментальных труда. Не могли воспринять этот факт и современники. Когда трехтомный «Библиологический словарь» был представлен в Ленинградскую духовную академию на соискание степени доктора богословия, ученые мужи не поверили, что один человек может написать 1790 подробнейших статей, что по силам только целому научному институту, сообщила Р. Адамянц.

По словам редактора, оба эти издания основаны как на святоотеческих толкованиях, так и на достижениях библейской науки за последние полтора столетия, когда были сделаны открытия в области текстуральной, исторической, литературной критики библейского текста, установлено авторство и время написания многих библейских книг. О. Александру удалось показать, что эти открытия не разрывают связи с Преданием, что исследования не противостоят вере, а укрепляют ее. За почти 30 лет, прошедших со дня гибели о. Александра, библейская наука продвинулась вперед, появились новые издания, но труды священника не теряют своей значимости, подчеркнула Роза Адамянц.

«Исагогика» о. Александра уже издана в 8-м томе его Полного собрания сочинений, которое выпускает Издательство Московской Патриархии, отметил брат священника Павел Мень. По его словам, о. Александр, написав столько трудов по богословию и библеистике, «не считал себя ученым», все свои книги он создавал для того, чтобы дать своим читателям «возможность увидеть другую реальность», приблизиться ко Христу. При этом о. Александр обращался к людям всех возрастов, к представителям разных слоев. Как вспоминал брат священника, в любой компании, где оказывался о. Александр, разговор непременно заходил о вопросах веры. Так и в своих книгах и проповедях – главное, что передавал он читателям и слушателям, – христоцентричность.

Юлия Зайцева
(Благовест-Инфо)

Новый музей принял первых посетителей

Мы уже рассказывали о презентации постоянной музейной экспозиции «Александр Мень — свидетель Пути, Истины и Жизни» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино (ВГБИЛ). Напомним: официальное открытие музея состоялось 22 января, в день рождения о. Александра. А для посещений экспозиция была открыта в апреле. Ее организаторы – Фонд имени протоиерея Александра Менья и наследники священника.

Экспозиция расположена в свежееотремонтированном зале на 5 этаже Библиотеки, где установлены добротные витрины, в которых представлено около двух тысяч единиц хранения: книги, письма, рукописи, аудио- и видеозаписи, а также другие личные вещи о. Александра. На одной из стен, между двумя большими вертикальными иконами архангелов XIX в. расположен большой экран, на котором можно показывать многочисленные видеозаписи лекций, бесед и проповедей о. Александра. Перед этим экраном оборудован небольшой конференц-зал примерно на 30 мест, где будут проходить лекции, встречи, презентации и т. д.

Как рассказал сотрудник ВГБИЛ Владимир Фролов, проводивший экскурсию, на 90 % экспозиция состоит из фондов, которые ранее хранились, изучались и выставлялись в Музее А. Менья в Культурно-просветительском центре «Дубрава» (подмосковный поселок «Семхоз», где о. Александр жил много лет). А по словам сотрудницы ВГБИЛ Людмилы Скачковой, которая была организатором первых лекций и публичных встреч о. Александра в Библиотеке, это учреждение наиболее удачное место для размещения мемориальной экспозиции: его много лет возглавляла духовная дочь о. Александра Екатерина Гениева (1946-2015), которая в самые первые годы относительной религиозной свободы устраивала здесь его первые публичные выступления. Здесь же о. Александр прочел свою последнюю лекцию о христианстве вечером накануне гибели; здесь

из года в год проходят посвященные ему конференции и вечера памяти; в атриуме ВГБИЛ установлен бюст о. Александра.

Один из первых экспонатов экспозиции – сохраненная Виктором Москвиным, директором Дома русского зарубежья, и подаренная ВГБИЛ афиша, которая приглашает 3 ноября 1988 г. на открытую встречу с протоиереем Александром Менем на тему «Тысяча лет и две тысячи языков». Очевидно, что поводом для встречи стало тысячелетие Крещения Руси, которое отмечалось тогда в СССР, – с этого момента принято отсчитывать окончание религиозных гонений и начало возрождения Русской Православной Церкви.

Как отметил Владимир Фролов, ни за одну из своих публичных лекций во ВГБИЛ

о. Александр не брал гонорара – он тут же передавал его на благотворительные цели. Так, на представленной афише написано, что средства, полученные от продажи билетов, пойдут на сооружение Мемориала жертвам сталинских репрессий.

Знакомя посетителей с экспозицией, В. Фролов рассказал о семье Меньей; о том, как в кругу последователей катакомбной Церкви воспитывался маленький Алик; о духовниках Елены Семеновны Мень и ее детей. «О. Александра сформировало настоящее русское старчество, он воспитывался в кругу Мечевской общины, с детства читал русскую религиозную философию».

В витринах представлены облачения о. Александра и богослужебные книги, написанные им иконы, многочисленные издания его книг,

Alexandr Men»), который прилетел из Европы на следующий день после убийства, и заканчивая многими просветительскими, научными, издательскими и гуманитарными проектами, которым он успел положить начало. «Язык не поворачивается назвать его классиком. О. Александр Мень – современник, его наследие присутствует в делах продолжателей и тех, кто изучает его богословие в разных странах мира», – сказал сотрудник ВГБИЛ.

В этот день состоялись три экскурсии, по окончании которых в Большом зале ВГБИЛ прошла литературно-музыкальная встреча «Весна», организованная совместными усилиями Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня и ВГБИЛ.

Юлия Зайцева

рукописи которых сначала тайно вывозились за границу и печатались в Брюсселе под псевдонимами, а потом издавались легально в СССР. Некоторые ротационные издания книг о. Александра Меня до сих пор находят в бывших республиках Советского Союза, продолжил В. Фролов.

В. Фролов также обратил внимание на то, как дело о. Александра продолжалось уже после его гибели: начиная от организованного им с помощью итальянского фонда «Христианская Россия» самолета гуманитарной помощи для Российской детской клинической больницы (с «паролем» «padre

ПРИХОД: ЖАТВА И ДЕЛАТЕЛИ

Евангелие за колючей проволокой

Недавно наш настоятель в очередной раз побывал на краю земли, как переводится с ненецкого слово Ямал. Там он вновь встретился со своими подопечными в колонии для пожизненно заключенных. Об этом написала местная газета «Красный Север». Приводим публикацию полностью.

Пожизненники из «Полярной совы» исповедались московскому священнику

Отец Александр уже пять лет регулярно приезжает на Ямал. Началось все с общения по переписке с одним из осужденных. Постепенно число страждущих росло, и в этот раз визита священника ждали десятки сидельцев.

В нескольких корпусах ИК-18 – знаменитой «Полярной совы» – отбывают наказание три сотни россиян, приговоренных за особо тяжкие преступления к пожизненному лишению свободы. В колонии как-то подсчитали: все они в сумме лишили жизни больше трех тысяч человек – целый поселок!

Каждый четвертый из них на этой неделе ждал особого гостя. В канун Пасхи к пожизненникам приехал священник из столицы – протоиерей Александр Борисов, настоятель храма Святых бессребреников Космы и Дамиана в Шубине.

БЕСЕДЫ С НЕРАССТРЕЛЯННЫМ СИДЕЛЬЦЕМ

– Они как никто нуждаются в духовной поддержке, – уверен Александр Борисов. – В Евангелии Господь говорит, что на небесах больше радости об

одном кающемся грешнике, чем о 99 праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

— Но почему именно Ямал?

— Когда я входил в комиссию по вопросам помилования при президенте, а было это с 1993 по 2000 год, то начал переписываться с осужденным, который уже ожидал исполнения приговора в камере смертников, — вспоминает настоятель. — Я разослал таким людям — их тогда было около 60 — Евангелия с письмами. Один ответил, и ответ его был совершенно удивительный...

Осужденный рассказал в письме, что слышал голос, который и объяснил ему, как он попал в свое незавидное положение. Описание этой беседы поразило священника — смертник не смог бы такого придумать, говорит он. Благодаря мораторию на высшую меру убийца не был расстрелян, они продолжали об-

щаться, в том числе лично. Но когда сидельца перевели на Ямал, священнослужитель, сам от себя не ожидая, засобиравшись в Заполярье.

— Здесь моего причастника навещил один баптистский проповедник, и он мне об этом написал. Я тогда подумал, как же так, баптист приехал, а православный священник будет отсиживаться? И тоже отправился к нему. А тут и сокамерники, и другие люди стали просить поговорить с ними, исповедовать...

Так все началось в 2014 году. Сейчас отец Александр навещает уже десятки преступников, отбывающих пожизненное в Харпе. Десятерых из них он сам и крестил — здесь же, в колонии:

— Конечно, это происходило в упрощенном виде, здесь нет купели для полного погружения, от этого приходится отступать. Но даже в таких необычных условиях это все равно допускается. Самое главное — решение стать христианином.

«Здравствуйте!», — заходит в кабинет Олег Шелепов, выслушавший приговор в 2004 году за убийство трех человек с особой жестокостью. Как и других, его ждут совместная молитва, исповедь — на это время осужденного, запертого в клетке, оставляют со священником наедине, — и причащение. Напоследок — подарок, духовная книга и скромный гостинец. Казалось бы, что такое пятнадцать минут разговора? А сил придают надолго, говорит сиделец:

— Честное слово, каждый год ждем приезда отца Александра. Для нас это как праздник. Настолько светлый человек, что просто выходишь после беседы с ним — и на душе так тепло, хорошо... Это очень мно-

го значит. Думаю, не погрешу, если скажу за всех: батюшка Александр для нас — луч света здесь. У меня... — запинаясь осужденный, — горе произошло в семье, тяготило. Пообщался с отцом Александром, он мне просто дал совет простить, отпустить это все. Действительно, легче стало. Человеческого общения, в том числе духовного, тут не хватает. Мы ведь здесь все... сами знаете. И когда общаешься с человеком на свободе, возникает ощущение, что ты не всеми забытый и никому не нужный — знаешь, что он ждет, поможет, посоветует, не оставит тебя одного.

ПОКАЯНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ

Сотрудники ИК тоже отмечают благотворный эффект визитов священника.

— Это ведь и психологическая работа, на поведение осужденных хорошо влияют такие посещения. Отец Александр приезжает ежегодно, список тех, с кем он ведет переписку, постоянно растет. Все уже знают, что он приезжает в апреле, перед Пасхой, и каждый ждет его визита. А потом — спокойнее ведут себя, проще относятся к требованиям режима, пребыванию в камере — наказание переносят легче, — говорит заместитель начальника колонии, подполковник внутренней службы Рафик Омаров.

Антон Никитин к вере пришел в стенах «Полярной совы»: «Раньше не думал об этом, образ жизни совсем другой был». Крестился тоже здесь, как раз у Александра Борисова. На самом деле крещен был, как многие, еще младенцем, говорит осужденный, но решил пройти обряд снова, уже осмысленно.

— Долго не мог осознать, что должен покаяться за свои преступления. Однажды ночью стало тяжело почему-то, сны снились гнетущие. Проснулся, задумался об этом. Попросил про себя у Бога прощения. Сказал: «Все-таки ты есть, Господи, помоги, если все вот так». И потом пришло письмо от отца Александра — он сам первый написал. Посчитал это знаком...

Теперь пожизненник, тоже осужденный за убийство нескольких человек, ведет со священником переписку, днями читает Библию, молится. Сокатерники, даже если сами не верят, относятся с пониманием, говорит он.

Не секрет, что за решеткой к библейским заповедям обращаются многие, да не всех надолго хватает. Но в своей пастве из ИК-18 священник не сомневается:

— Люди, которые уверовали, искренне раскаиваются. Некоторые даже говорят: хорошо, что оказался в тюрьме, а то людей бы убивал всю жизнь и Бога не знал. Они читают Евангелие, молятся, рады причастию. Очень многие говорят, что в душе у них сплошная чернота при воспоминаниях о прошлой жизни, и только Христос — источник света. Знаете же, гром не грянет — мужик не перекрестится... Гром грянул для них. А нам как верующим не может быть безразлично, кем человек уйдет из этой жизни, раскаявшимся грешником или озлобленным преступником, — говорит Александр Борисов.

Данил Колосов
Фото автора

Библейская академия в светлице

Практика совместного чтения и изучения Священного Писания, сопряженная с общей молитвой, возникла еще в ветхозаветную эпоху — во время вавилонского плена. Для этой цели и была создана синагога — «дом собрания», впоследствии ставшая неотъемлемой частью духовной жизни Израиля, наряду с возрожденным Иерусалимским храмом, где совершался культ. Даже в самом маленьком селении в послевоенный период каждую субботу происходили встречи, на которых читался отрывок из Торы или одного из пророков, после чего раввин или кто-то из присутствующих произносил свое толкование этого места, и все собравшиеся обсуждали его. Подобный эпизод есть в Евангелии от Луки (4,14–30), где Господь, придя в синагогу в Назарете, читает место из книги пророка Исаии (61, 1–2; 58, 6), свидетельствует, что пророчество это исполнилось, и встречает яростное отвержение со стороны соотечественников, обличая их глухоту и косность.

Традицию молитвенных собраний, чтения и совместного изучения Священного Писания продолжила и родившаяся в среде Израиля Церковь, начиная еще с апостольских времен. Правда, в ее двухтысячелетней истории бывали длительные периоды, когда в ущерб библейскому просвещению господствовал ритуал и преобладали те, кого покойный Святейший Патриарх Алексий II назвал «требоисправителями и кадиломахателями». Тогда жизнь Церкви неизбежно стагнировала и приходила в упадок.

В конце XIX — начале XX века в России усилилась деятельность обществ и кружков по изучению и распространению Священного Писания. После октябрьского переворота в годы гонений на церковь она продолжалась уже в катакомбных условиях. Здесь надо особо вспомнить священномученика о. Владимира Амбарцумова, который в юности, участвуя в

Берлинском политехническом институте, примкнул там к студенческому христианскому кружку. Вернувшись в Россию накануне Первой Мировой войны и став в 1927 году православным священником, он продолжал ту же практику изучения Библии в маленьких домашних общинах по несколько человек.

Непременным условием полноценной христианской жизни считал молитвенные «малые группы» отец Александр Мень. В годы, когда это было связано с немалым риском, когда безбожная власть разрешала только «отправление религиозных культов», он сумел организовать в своем приходе целую систему таких небольших «академий библейской грамотности». В одной из них, в доме Александра Зорина, с 1983 года посчастливилось заниматься и мне. За основу мы взяли прекрасное пособие по изучению Евангелия, составленное в XIX веке англиканским богословом и библеистом Олдгамом. Оно помогало глубже входить в евангельский текст, видеть его неразрывную, живую связь с Ветхим

Заветом. Собирались мы в назначенный день без созвона, соблюдая все правила конспирации, закрывали окна, отключали телефон... Сегодня новому поколению прихожан такое может показаться невероятным. Книги, которые нельзя было открывать в метро, теперь во множестве лежат в магазинах. Недоступное тогда Свя-

щенное Писание можно купить в любом храме сравнительно дешево. Поистине — «лето Господне благоприятное». Не боясь преследований, открыто собираемся для изучения Книги книг и по домам, и в храме.

В самой церкви Свв. Космы и Дамиана проводят свои встречи несколько библейских и молитвенных групп. По понедельникам в светлице на втором этаже, где двадцать семь лет назад начинались первые богослужения, собирается «братская группа» под председательством нашего настоятеля — отца Александра Борисова. Мы вместе читаем книги пророков и беседуем о них. Обычно удается разобрать одну главу за вечер в силу множества смысловых пластов, содержащихся в каждой из

них. Вести занятие отцу Александру помогает один из наших братьев — Борис Балтер, доктор физических наук, человек необъятной эрудиции, глубоко знающий Священное Писание и читающий его на языке оригинала и на нескольких современных. Благодаря его сопоставлениям ивритского подлинника с русским и другими переводами Писание открывается новыми смыслами, новой глубиной. И радостный «узнавания миг» происходит каждый раз, когда в пророческом тексте встречаешь очевидную — через века —

переключку с Евангелием. Ауканутся пророки и с последними новостями нынешней жизни, и с мировой культурой. Как, говоря о них, обойтись без Пушкина, без Владимира Соловьева, без Тютчева, без Мандельштама?

В беседе братья всегда дополняют друг друга, расширяя тем самым понимание Священного Писания. Участвуют в наших собраниях и сестры. Их заботливыми руками всегда готовятся бутерброды для чаепития — небольшой «агапы», которая вслед за общей молитвой предваряет занятие. Как

тут с благодарностью не назвать имена Норы, Оли, Наташи, покойной Аллы — ее мы не перестаем помнить и любить.

Каждый понедельник вновь стремишься прийти вечером в нашу светлицу, чтобы принять участие в чтении пророков и в очередной раз воочию убедиться, что их весть намного актуальнее самого «свежего» газетного или телевизионного сообщения.

Григорий Зобин

В атмосфере общения, молитв, веселья

С 29 июня по 6 июля намечено вот уже в семнадцатый раз провести летний приходской лагерь для подростков (12-18 лет). Публикуем впечатления тех, кому уже доводилось отдыхать в этом лагере.

**София Капишникова,
ведущая лагеря:**

Лето — это пышный праздник жизни. Каждый день наполнен цветами и звуками: от шуршания теплого моря до визгов на детской площадке. Но вместе с летом наступает и пора покоя: завершается учебный год, приближается отпуск, затихают пасхальные песнопения. В такое противоречивое время и возникает наш лагерь.

Маленький народ, вырвавшись из города, располагается на природе с багажом ожиданий и планов. И здесь, в атмосфере общения, молитвы, песен и простого веселья каждый подросток и ведущий становится бутонem, который, получив, наконец, свет и воду, робко или смело распускается. Я хочу не только увидеть это пестрое цветение, но и быть его частью. Иными словами, я еду в лагерь, чтобы предложить себе и подросткам быть собой, не боясь быть честными перед Богом и близкими.

Лагерь — это путешествие в иную духовно-бурную реальность. Еще ни один мой выезд не проходил без удивления: «Неужели это была обычная календарная неделя?!»

Да, это другое пространство и времяисчисление, и сами мы слегка не такие, выползаем из раковин или, напротив, прячемся, но, так или иначе, происходят встречи, знакомства. Неизвестно, что затем ждет меня дома, но становится ясно, что я хочу туда привезти.

**Петина Елена,
мама Кати:**

Моя дочь три раза была в приходском лагере, и она, и мы, родители, оставались довольны. Во-первых, в лагере происходят общения и знакомство с самостоятельной жизнью без мам и пап. Во-вторых, отряды собраны по возрастам, но ребенок мог общаться с теми, кто старше и младше. Очень

важны были так называемые «серьезы» (вечерние духовные встречи), когда дети учатся слышать и говорить на значимые для них темы. Еще мне представляется важным, что в лагере подростки участвуют в таинстве евхаристии, общаются с нашими замечательными священниками.

Карнавал и спартакиада, вечерние песни и утренние зарядки! Новые друзья! Спасибо всем за лагерь!

Тёма:

Вспоминаю первый свой лагерь. Когда я поехала в первый раз — думала, что не будет ничего особенного. Лагерь как лагерь. Ну, христианский. Ну, палатки (мой первый был палаточным, сейчас он вполне обычный, в корпусах).

Но спустя неделю во мне остался неизгладимый приятный осадок. Как говорится, невозможно

это объяснить, это надо почувствовать.

В лагере особая атмосфера дружелюбия, духовной связи, искренности. А одно из главных его преимуществ, по-моему, — это то, что базы всегда находятся на природе, далеко от пыльного и душного города с витающим в воздухе бензином и суетой.

Именно здесь ты расслабляешься, отдыхаешь от общества суетливых и нервных людей, можешь поделиться своими переживаниями, и они найдут понимание и незаменимые советы как от вожатых, так и от участников. К слову, в лагере основная масса участников — образованные, начитанные и интересные личности, среди которых ты можешь найти как приятелей, так и друзей на всю жизнь. У меня оба варианта появились.

Вера в этом лагере далеко не навязчивая. Молитвы, необычные и погружающие в духовную атмосферу... Этот лагерь не навязывает, а сближает тебя с Богом.

Анастасия:

Вот уже в пятый раз я поеду в этот лагерь. Нигде больше не получишь столько впечатлений, общения, познания для себя чего-то нового. Научишься слушать и будешь услышанным.

Если и можно привести в пример идеальную маленькую утопию, то это будет «Подростковый лагерь храма Космы и Дамиана». За вроде бы небольшое время, проведенное в лагере, все: ведущие, помощники, директор Петр Дмитриевский и дети создают единую команду, с которой потом еще долго не хочется расставаться.

Я помню все предыдущие годы, что я была в лагере. Даже после его окончания еще долго мы встречались друг с другом, гуляли, делились впечатлениями. Можно было бы назвать это мистикой, но все намного проще — это лагерь объединил нас, сплотил. В него хочется приезжать снова и снова, видеть знакомые лица и тех, кто приехал впервые. Я уверена, им тоже понравится, и они станут частью нашей большой и дружной семьи!

(Подробности о программе и о процедуре записи можно узнать на сайте club.damian.ru).

Композитор и поэт

В июне в нашем храме состоится концерт из произведений его прихожанки, композитора Серафимы Этингер. О ее творчестве пишет кандидат искусствоведения Марина Роднянская.

На нашей выжженной годами безверия почве пробился еще один источник чистой родниковой воды — духовные песни, хоры и инструментальные произведения Серафимы Этингер. Столь же простые, как и прекрасные, естественные, как дыхание, они легко запоминаются и ложатся на сердце; один раз услышав, уже хочется их петь. Каждое из них может украсить богослужение или стать музыкальной основой для талантливого художественного фильма.

Эти сочинения исполнены целомудренной веры, любви и детского доверия к Богу. Словно не было иссушающих душу бездуховных лет, и мы вернулись к тем далеким временам, когда ребенок, едва выучившись говорить, повторял вслед за матерью слова молитвы, а старик, умирая, с надеждой вверял свою душу милосердному Богу. Произведения Этингер трогают сердца как знатоков, так и неискушенных в музыке людей. Совершенные при своей кажущейся простоте, они являются плодом вдохновения, чистоты сердца и живой веры, которая особенно необходима нам, детям безвременья.

Марина Роднянская

Серафима Этингер — не только композитор, но и поэт. Вот несколько ее стихов.

Дорога в Вечность предстоит душе,
Чтоб вновь постигнуть тайны Мироздания,
И в нетерпении хочется уже
Оковы тела сбросить в воздаяны

Творца Небес, что мир Любви таит,
В нем суд верша над душами в смиренности,
И Лик Христа — Спасителя хранит,
Что вновь увижу в Тайне воскресенья...

Все дышит Богом в этом грешном мире,
И я могу Творцу душой внимать.
Служа, как прежде, беззаветно лире,
Спешу Христу любовь свою отдать...

Лик неземной, что в Вечности сияет,
Я воспевать готова вновь и вновь,
Идя к Звезде, что путь мой озаряет,
Храня надежду, веру и любовь...

Я грежу Высшими Мирами,
Где нет печалей и тревог,
Но в те заоблачные дали
Ведет одна лишь из дорог.

Она узка, трудна, терниста,
По ней Христос тебя ведет,
И на пути том долготерпком
Душа страдать не устает.

Звезда Спасителя людского,
Коль одолеешь путь земной,
Зажжется над твоей главою,
Даруя сладостный покой.

И, сбросив вновь оковы тела,
В Творце постигнешь Мир иной,
Забыв про горести бывшие
Минувшей жизни роковой...

Концерт духовной музыки «Посвящение Творцу»

II июня 2019 г.
Начало в 19:00

Храм свв. бессребреников
Космы и Дамиана в Шубине

В программе:

I отделение
С. Этингер

Музыкально-поэтическая композиция
«Крылья Вечности»

II отделение
«Шедевры западной классики»
В. А. Моцарт, Ф. Шуберт и др.

Исполнители:

Лауреаты международных конкурсов
Екатерина Фуранова (сопрано)
Мария Лазука (скрипка)
Татьяна Буряшина (орган)

Ведет концерт и читает стихи актер Савва Старковский.

Художественный руководитель и организатор проекта —
Гран-при фестиваля «Вдохновение» 2013 – 2014 гг.,
лауреат международных фестивалей, композитор и поэт
Серафима Этингер.

Жан Ванье, призвание и признание

Каждый инвалид тоже рождается с миссией...

7 мая в возрасте 90 лет скончался Жан Ванье — философ и гуманист, основавший в 1964 году (деревня Троли, Франция) общину-поселение для людей с заболеваниями нервной системы «Ковчег», а также движение «Вера и Свет» — общин, в которые входят особые люди, так называемые умственно отсталые, их родители и друзья. Жан Ванье делал наш мир лучше.

Э то был человек большой любви, глубины, мудрости, который своими книгами, беседами и личным примером открыл многим людям важные вещи

нищих, увечных, хромых, слепых». Подвижник, постоянно учивший, что каждый из нас, в том числе и инвалид, рождается с миссией что-то дать этому миру.

Он говорил и писал:

«Сейчас мне кажется, что опыт, пережитый мной, полностью изменил меня. Я говорю об опыте общения, встреч и жизни со взрослыми и детьми, которые были очень сильно ранены. Я по-настоящему открыл для себя то, что составляет сердцевину человеческих страданий, — отверженность, чувство совершенного одиночества в этом мире.

Заходишь в детское отделение какой-нибудь больницы и видишь маленьких детей, которые больше не кричат. Они находятся в таком состоянии, что все держат в себе. Они знают, что им никто не ответит на их крик. Молчать им кажется безопаснее, чем кричать и не получать ответа. Любая закрытая больница, любое закрытое учреждение, где содержатся люди, — ужасны. Я видел там чудовищно одиноких людей. Отверженных. Думающих, что они никому не нужны...»

«Каждый из нас где-то внутри чувствует себя одиноким и отверженным. Независимо от того, женаты ли мы, замужем ли, мы все равно чувствуем свою неполноту. Такова природа человека. Однако у всех нас есть и невероятная потребность в любви, в том, чтобы любить и быть любимыми. И эта потребность — основа жизни человека, его спасение...»

о понимании, принятии себя и другого, своих ран и немощей, через которые может литься настоящий свет. Христианин, исполнивший заповедь Господа о том, что «когда делаешь пир, не зови друзей твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых. Но зови

Жан Ванье неоднократно посещал Россию и выступал с лекциями. Первые группы движения «Вера и свет» в России появились в 1990 г. К опыту Жана Ванье и его общин обращаются многие люди, занятые судьбой особых людей в России.

ХРАМ СВВ. БЕССР. КОСЬМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

26 мая, воскресенье, 17:00,
конференц-залВечер памяти
ЖАНА ВАНЬЕ

10 сентября 1928 — 7 мая 2019

Жан Ванье — основатель общин «Ковчег» и движения «Вера и Свет». В 1964 г. Ванье поселился вместе с двумя жителями интерната для людей с нарушениями развития в небольшом доме в деревне Троли-Брей под Парижем. Так было положено начало общинам «Ковчег». Позднее возникла «Вера и Свет» — движение семей с людьми с умственной отсталостью и их друзей. Сегодня эти общины существуют во многих странах мира, включая Россию.

Жан Ванье, призвание и признание

Ушел, но остался...

26 мая в конференц-зале приходского дома состоялся вечер памяти Жана Ванье. Ни одно место в зале не пустовало, более того — люди сидели на подоконниках, стояли в дверях. Это уже само по себе свидетельство того, что значил — и продолжает значить — этот замечательный француз для многих россиян ...

На вечере, который вели Андрей Черняк и Наталья Лесскис, выступали те, кто не раз встречался с Жаном Ванье, когда он приезжал в Россию (некоторые — и у него дома, во Франции). Кто говорил с ним, сотрудничал, в деле наблюдая его, всегда заряженного неиссякаемой и доброй энергией. А делом, разумеется, была помощь в умножении его детищ — общин «Ковчег» и «Вера и Свет».

Выступавших было много. И что примечательно: никто не повторял уже сказанное. Всякий раз приводились иные эпизоды, факты, подробности, оценки — не просто яркие, интересные, а знаменательные, являвшие собою новые краски к портрету Жана. Например, о том, что евангельские события в его устах звучали так, будто он был близким, любящим другом участников тех событий, прекрасно знавшим их характеры, психологию, мотивы поступков, в деталях, как бы изнутри знавшим то, что происходило, будто там

присутствовал. Или: «Мы долго не хотели быть «Верой и Светом», но Жан настойчиво заверял, что мы уже готовы...». Или: «Христианская традиция помогать больным, инвалидам, сиротам, всем нуждающимся — давняя. У Жана Ванье иной подход: он, подобно Иисусу Христу, принимал на себя их уязвимость».

Еще одна краска — юмор Жана, его шуточные реплики, обращения к кому-то из находившихся рядом. Реплики как бы немножко колкие, но никогда не обидные, никогда не ущемляющие достоинство. Хороший психолог, он всегда был уверен в адекватном восприятии собеседником юмора и тут же готов был, как водится между друзьями, заговорить с ним на серьезную, сложную, болезненную для человека тему. Жан Ванье, по прозвучавшему на вечере множеству свидетельств, отличали потрясающая доброжелательность, понимание проблем человека — будь то подопечный, то есть «особый», или любовью, с кем он общался.

Выступления у микрофона перемежались изображениями на экране. Там Жан сам являл себя —

Жан Ванье, призвание и признание

во фрагментах из фильмов о нем и в видеороликах. В частности, уже 90-летний, он рассказывал о своих 10 жизненных правилах. Актуальных по нынешним временам. Мудрые и отточенные, порой парадоксальные формулировки. Например, правило 5-е: «Перестань смотреть в мобильник. Присутствуй!» И поясняет, что виртуальное общение через компьютеры и мобильники – это совсем другое, нежели быть рядом...

А то, как он говорил в этом ролике! С неизменной легкой улыбкой в прищуре глаз, бодрым, сильным голосом, который буквально кипел интонация-

ми в сопровождении выразительной, подкупающей мимики, – все это, как и вовсе не дряхлое лицо, заставляло сильно усомниться в

том, что Жану Ванье пошел десятый десяток.

И становится понятно, почему этот вечер памяти только что

скончавшегося человека был начисто лишен траурной печали. Кстати, в кадрах похорон, показанных в конце вечера, люди тоже – сидя у гроба – часто улыбались. А тут было впечатление, что собрались отмечать юбилей. По признанию Андрея и Карины Черняков, организовавших этот прекрасный вечер, они начали его готовить давно – как встречу, посвященную живому Жану Ванье, но не вечер памяти. Именно такой эта встреча и получилась. Встреча друзей Жана друг с другом и с ним самим.

Хорошо сказал выступивший на вечере о. Алексей Антоновский: «Он ушел, но он остался».

Владимир Грудский

Жан Ванье и его праздник бедных

чальник двух всемирных движений, одно из которых дошло и до нас. Многие также знают его по выступлениям перед публикой. Жан считал, что его особые люди – самые бедные и самые отверженные. А любой бедный, говорил он, – это пророк. Бедный говорит миру о том, чего хочет Бог. И Жан как бы стал голосом особых людей, которые не умеют облечь свою весть в слова (или не говорят совсем), и потому стал как бы глашатаям Бога. И он видел, как это связано с историей евангелия, благой вести бедным. У него появился особый дар говорить слово – язык не поворачивается назвать Жана «проповедником» – и он постоянно говорил перед самыми разными аудиториями в самых разных странах.

В Троли – том самом месте, где он прожил с особыми людьми более 50 лет, – я, приехав туда на

похороны Жана, увидел удивительно пеструю человеческую смесь: богатые и с иголки одетые люди стояли рядом с теми, кого по виду легко принять за бомжей, молодые рядом со старыми, «умные» с «глупыми», приятные лицом с теми, от кого отворачиваются. Обычно такие люди живут в разных мирах и не встречаются. И тут весь Жан с его миссией. Он хотел, чтобы разные люди соединились, видя в этом желание Иисуса, волю Отца. И подобное случилось не единственный раз, на похоронах – это происходит регулярно в основанных Жаном общинах, скажем, и в российских общинах движения «Вера и свет».

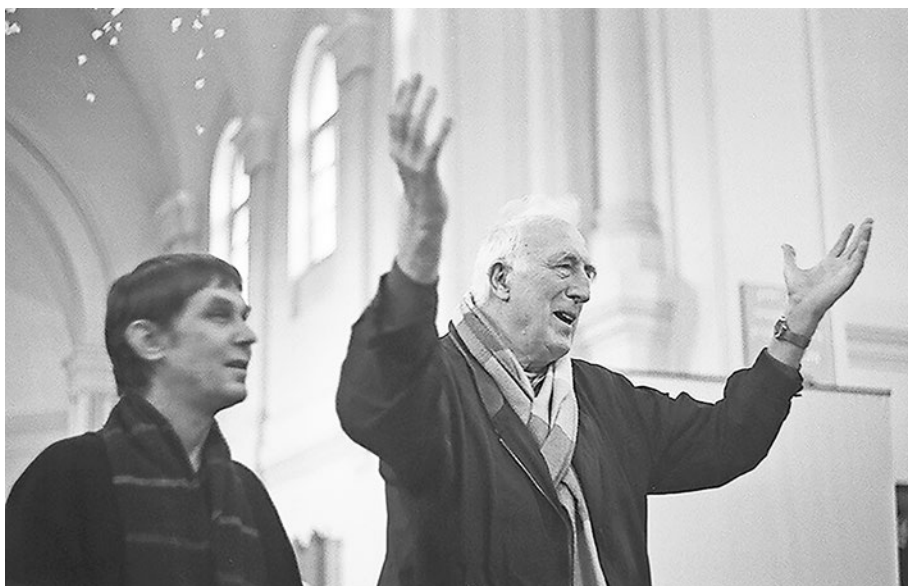
Мне было даровано провести немало времени с Жаном Ванье, потому что я переводил его выступления на русский. Когда мы с ним познакомились, он был уже немолодым и знаменитым челове-

7 мая в Париже умер Жан Ванье, знаменитый... Тут сразу трудно, просто невозможно найти нужное слово. Он сам создал себе жанр. Аристократ, затем морской офицер, затем преподаватель философии и наконец – глава дома, где он живет вместе с особыми людьми (их называют людьми с умственной отсталостью), лишенными семьи. А также родона-

Жан Ванье, призвание и признание

ком, но он оставался именно живым *человеком* прежде всего.

Радикальная вера в евангелие не мешала ему глубоко уважать людей такими, какие они есть. Скажем, рядом с ним не хотелось изображать благочестие или было удобно достать сигарету и закурить. Он кротко призывал к самым смелым вещам, но передавал тебе чувство безопасности.

Одно слово не из христианского словаря тесно ассоциируется у меня с Жаном – *нежность*. Он сам про это прекрасно говорил: «Нежность – это вовсе не сентиментальность и не демонстрация эмоций. Это щедрость, не несущая в себе угрозы, и доброта, которая показывает другому человеку, что он для нас важен и драгоценен. Нежность проявляется в жестах, интонациях. Это не слабость, но сильная поддержка, которую передают глаза и руки. Нежность проявляется в очень бережном отношении к телу другого человека. Она не навязывает себя и не агрессивна, она деликатна и смиренна. Она не отдает приказаний. Нежность полна уважения... Когда человек слушает другого и прикасается к нему, это оживляет сердце и тело. Нежность дает жизнь и освобождает. Она дает желание жить. Нежность – это как мать, купающая дочку и открывающая ей, как она красива. Или сиделка, которая прикасается к ране со всей

осторожностью, чтобы причинять как можно меньше боли». Читая эти слова, я вспоминаю о Жане, моющем мне ноги на ретрите.

Кроме дара слова у него был дар *слушать*, который часто атрофируется у знаменитых людей. Почти каждый первый встречный мог попроситься с ним поговорить – иногда мне приходилось переводить, если человек не знал

языка. Так и вижу слушающего Жана, который, даже со склоненной головой, был намного выше ростом любого собеседника. При этом он умел твердо ставить временные рамки и общаться достаточно кратко, не становясь жертвой говорящего.

И еще в голове моей вертится слово *красота*. Он сам был красив, он говорил, что любить – значит открывать другому его красоту. И рядом с ним ты начинал видеть какую-то иную красоту лиц – не просто привлекательность, а такую красоту, какая есть в старике, или в сером незаметном (для моего зрения) человеке, или в особых людях. «Я надеюсь, – говорил Жан, – что когда-нибудь мир откроет красоту, которая спрятана в глубине каждого из вас, я надеюсь, что мы воскреснем, и тогда ваша красота раскроется и станет видна всему миру».

По-своему сказанное выше можно отнести и к о. Александру Меню. Как и еще одно качество

Жана – трезвый *реализм*. Он сказал такие слова об одном писателе: «Все описывают духовную жизнь, какой она должна быть, а тот представляет ее такой, какая она есть». В его мысли «земное» и «небесное» мирно сочетались. Скажем, в своих речах и книгах он немало соприкасался с психологией, которая у него не конфликтует с другими ценными вещами. Он мог рассказывать о своей агрессии, которую в нем пробуждает слабый человек, о своих страхах или о своей жажде власти. «Мы более земные и более небесные, чем осмеливаемся себе представить», – говорил он.

И это был человек праздника, потому что он не боялся боли – своей и мира – и не прятался от нее. Даже его похороны были праздником – не в последнюю очередь благодаря присутствию особых людей, которые «умеют праздновать», – евангельским пиром нищих, который уже сегодня отражает грядущее торжество Мессии.

И ему удалось все это передать и распространить не только в виде любопытных мыслей, но это воплотить – в теле множества общин, в том числе у нас.

Он еще в советское время мечтал приехать в Россию – что сразу и сделал, когда начали открываться двери. Тут он встречался с родителями особых людей и с христианами. На одной из встреч в гигантском зале клуба Завода имени Ленина сидело, как насчитала моя жена, одиннадцать слушателей. Родители подходили к Жану и говорили: «Пожалуйста, возьмите наших детей во Францию». Он отвечал: «Вам надо попробовать создать что-то для ваших детей здесь». Никто не верил, что у нас что-то возможно.

Для меня очень дорого то, что Жан успел в 89-м году повидаться с о. Александром Менем в Новой Деревне. Я потом жадно допрашивал Жана, и так, и сяк, в надежде узнать что-нибудь об их разговоре – и ничего не получил. «Мы очень долго говорили, – отвечал мне Жан, – даже чай пили».

На вопрос, что он делает в России, Жан отвечал: «Я просто сею, а там уж – что вырастет».

Жан Ванье, призвание и признание

дей в нашей стране. Сам Жан говорил, что это «только символ – символ того, что любовь в нашем мире возможна». Очень мало и очень много.

Как бы там ни было, это воплощенная реальность, которую Жан помог привести к жизни: общины, где праздник на фоне креста и пир будущего века стали – или хотя бы становятся в лучшие минуты – тем, что можно потрогать, куда можно войти, что тихо меняет всех, кто к ним прикасается. Спросите об этом людей из общин «Веры и света», которых много в приходе: они – каждый по-своему – смогут вам об этом рассказать.

Михаил Завалов

На российской почве выросло довольно скромное растение – общины «Веры и света». Их не слишком много, однако они существуют уже

около тридцати лет – это уже больше, чем бурная вспышка энтузиазма. Они нисколько не решают ужасающие проблемы особых лю-

Светлая память, светлая грусть...

22 мая утром пришла горестная весть – не стало Маргариты Алексеевны Кочетковой, нашей прихожанки, работницы храмового киоска. Она прожила 72 года.

Маргарита ушла из жизни между 20 и 22 мая. Точная дата не известна. Жила одна и 22-го не явилась на работу. Судя по обстоятельствам, умерла тихо, в своей постели. Она была очень нездорова. 20 лет назад перенесла тяжелейшую операцию, и все эти годы мучилась от последствий.

Три года назад похоронила мужа – верного, преданного, любящего человека, который был для нее всем – и любимым, и опорой, и поддержкой. Она тяжело переживала его смерть.

Марго, как звали ее многие друзья и просто знакомые, была умной, утонченной женщиной, преданным другом не только для близких людей, но и для всех, кто попадал в ее круг общения. «Человек высокой культуры» – так говорил о Маргарите о. Георгий Чистяков, ее духовный отец. И эта культура присутствовала во всем – в общении с родными, друзьями и незнакомыми людьми. Всегда отзывалась на чужую боль всем сердцем, поэтому к ней приходили поделиться наболевшим даже люди, с которыми до того встречалась лишь единожды. Она обладала удивительным даром сопереживания. Любила людей, и эта любовь проявлялась прежде всего в служении им.

Маргарита была светлым верующим человеком. Жила с Богом в душе и всю свою жизнь соизмеряла с Ним, а Он был всегда рядом. «Не как я хочу, а как Ты», – эти слова она часто повторяла.

Ушел близкий, родной нам человек и оставил после себя нишу, которую невозможно заполнить. Оставил светлую память о себе и светлую грусть.

Прощай, наша дорогая Маргоша!

**От имени всех любящих тебя
Людмила Захарова**

Колонка Михаила Завалова

Что нам делать с врагами в Псалмах

Многим людям трудно читать Псалтырь из-за непрестанных упоминаний о врагах и мести. Существуют не самые популярные псалмы, наполненные как бы паранойей или горячей жаждой выбить зубы нечестивым и переломать им руки. Но «враги» неожиданно появляются и в любимых псалмах, как ложки дегтя в бочке меда. Скажем, они с самого начала перегружают Шестопсалмие, а в любимом многими Псалме 22 («Господь пасет меня...») Хозяин сажает гостя за пиршественный стол – причем на виду у врагов. Или взять прекраснейший Псалом 138 («Господи, Ты испытал меня и знаешь...»): там много дивных слов любви, но иной читатель нахмурится, дойдя до стихов 19-22 («Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне»), а с ними весь Псалом начинает звучать иначе.

Что с этим делать? Кто-то рассуждает о «жестоком Боге Ветхого Завета», но это путь Маркиона, когда христиане рубят сук, на котором сидят. Кто-то считает, что враги – это дурные помыслы или бесы. Это снимает проблему, однако мне трудно поверить, что авторы древних текстов хотели сказать именно это.

Я начал понимать, что эти «враги» из псалмов важны для меня и для других христиан. Постараюсь объяснить, почему.

Во-первых, псалмы звучат в реальном мире, где есть зло. Обычно это не защищенный мирок – вроде тихого монастыря, места молитвы – а опасное окружение. Именно потому псалмопевец так отчаянно взывает об избавлении и просит защиты.

Это, кроме того, молитвы *слабых* людей. Будь у них сила расправиться с врагами без посторонней помощи, они бы не взывали к Богу. На самом деле, они начисто лишены власти выбивать зубы грешникам. Скорее это люди в положении узников концлагеря, которые спрашивают себя: «Когда же мы увидим, как на допросы поведут тех, кто нас пытается и мучает?» Это не просто звериные эмоции кровожадных дикарей. За этим стоит боль и отчаянная жажда *справедливости*, это вопль, рычание, стенание человека, который живет не в таком мире, каким тот должен быть. Да и сам я разве не жажду, чтобы «погибли», исчезли с лица земли люди, которые, скажем, пытаются и поддерживают пытки или развязывают войны?

И эта боль выражена поэтически, в гипертрофированных образах, чтобы стать вопиюще зримой для Бога и людей. Она названа, она осознана и принесена Богу.

Да, мы призваны прощать и любить врагов. Но для этого нужны настоящее зло и реальные враги. Гнев есть наша здоровая реакция на несправедливость и свое бессилие. Да, это не конец пути, нужно двигаться дальше, как бы выздоравливая от травмы. Но вряд ли этот этап можно обойти стороной на пути к прощению. Когда «добрые христиане» говорят: «Мы выше таких низких чувств», – боюсь, они теряют способность прощать. Отрицание таких чувств чревато депрессией и скукой и, быть может, в будущем породит разочарование в церкви, которая «игнорирует то, что происходит в реальной жизни». Потому я верю, что жизненно важно переживать свой гнев – причем перед лицом Бога Живого. Тут мы пришли к самому важному и последнему пункту.

Псалмопевец приносит свою дымящуюся и kloкочущую ярость – Богу. Фактически, когда он просит: «Выбей зубы моим врагам», – он сам именно что их *не* выбивает, но, отказываясь от мести, поручает Богу восстановить справедливость. И потому свободен идти дальше: к прощению и любви. Поэтому такие псалмы крайне важны: тут мы встречаемся с тем, что есть, перед Богом, и можем идти к исцелению.

Воплощение самобытности русского народа

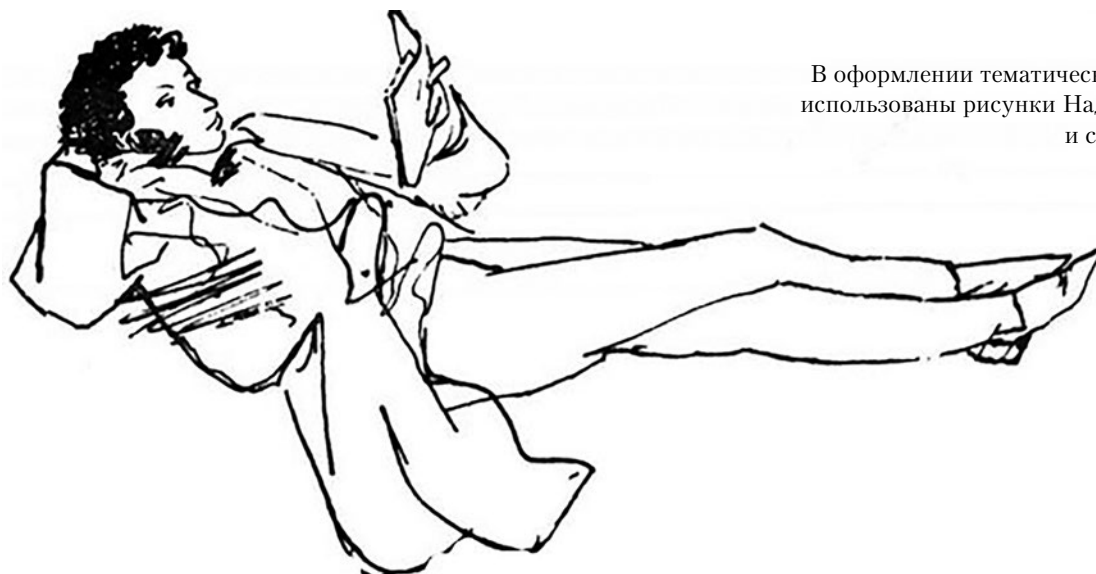
6 июня – день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Ни у кого из классиков русской литературы, даже очень почитаемых и любимых, дата рождения не стала общенациональным праздником. А у Пушкина – стала. В этот день переполняется «народная тропа» в музеи-усадьбы «Михайловское», «Болдино», московский музей Пушкина, другие пушкинские места в обеих столицах и за их пределами. Люди собираются по этому поводу в Домах культуры и на квартирах. Все это лишний раз подтверждает верность определения, ставшего крылатым: «Пушкин — наше всё».

Его автор Аполлон Григорьев видел в Пушкине «воплощение всего самобытного, особенного, что есть в русском народе, что отличает его сознание и даже образ жизни от представителей других миров».

Николай Гоголь: «Пушкин — русский человек в своем развитии», «в нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Иван Тургенев: «Ему (Александру Пушкину) одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу».

В сегодняшнем номере мы публикуем несколько материалов, посвященных пушкинской дате. Кроме данной рубрики, это «Священное Писание и поэт», «Каждый пишет...» и «С нами по соседству».

В оформлении тематических страниц
использованы рисунки Нади Рушевой
и самого поэта

Александр Зорин

Заметки о Пушкине

(Из дневника)

Значение Пушкина и Меня равновелико в русской культуре. Но как писал Мандельштам, «Россию легче обусть, одеть и накормить, чем научить читать Пушкина». То же самое можно сказать и об отце Александре. Они во всей полноте еще не доступны «широкому читателю». Однажды, это было в семидесятые годы, я показал батюшке свою самиздатовскую книжечку стихотворений. Перед отъездом в Коктебель, где иногда отдыхал, он мне сказал, что берет ее с собой. Я смутился и пошутил: «Да что вы, батюшка, лучше Пушкина возьмите... – А я Пушкина всегда с собой беру», – вполне серьезно ответил он.

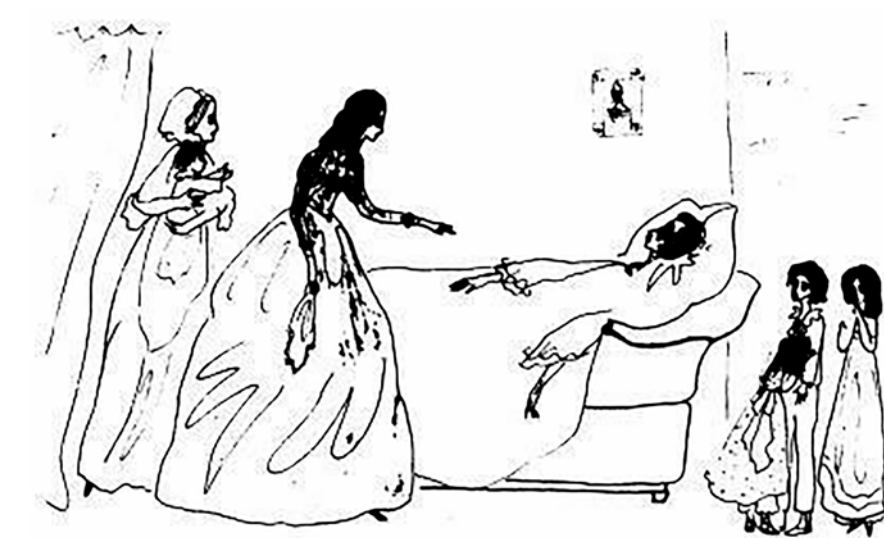
Пушкин умирал... Врач счел долгом сказать ему об этом. Жить ему оставалось несколько часов. На слова Даля: «Не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче», — отвечал отрывисто: «Нет, не надо, жена услышит, и смешно же это, чтобы этот вздор меня пересилил!»

Что он назвал вздором — пыточную боль или близкую смерть? Или и то, и другое?... Силы покидали тело, сопротивлялся дух. До последнего вдоха он был в памяти. Все, что с ним сейчас происходило, представлялось нелепицей, бессмыслицей. Он перетерпит боль и переживет смерть, беря ее под сомнение. Как действие абсурда.

Он понимал, что уходит, что надо исповедаться, благословить детей, напутствовать жену... И все же единственно точное определение происходящего: вздор!

Вера — «Весь я не умру» — сильнее неотвратимого конца. Он полагал личное бессмертие не в букве, доступной будущему пииту. Славу, да, — простиравшуюся в пределах подлунного мира. «Душа в заветной лире», завещанной ему Богом, бессмертна, и переживет не только его прах, но и славу, пусть предельно протяженную во времени. Заветная лира — средоточие его духа.

Обладая абсолютной творческой свободой, он рассчитался со смертью. «Талант мой окреп, я могу творить...» Этим он заявил не только власть над словом, но и над собой — над своей изменчивой, как Протей, природой. Это стоило

великих усилий, о чем свидетельствуют рукописи. Сочинял он стремительно, рука не поспевала за каскадами прозрений. Он метил начальные буквы вместо слов, пропускал, оставляя место, слова безусловные (потом впишет), нумеровал строчки, чтоб не переписывать их в нужном порядке, перечеркивал, возвращал отвергнутое, снова отвергал и затушевывал. Искал слово незаменимое, исчерпывающее по смыслу. Его совет: «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений».

Говоря о Пушкине, без метафоры не обойтись. В хаосе и разряженной тьме черновика видится мне космогоническая картина. Туманное протооблако в виде словесного вещества, в котором пульсируют эмбрионы небесных тел. Колоссальный труд и направлен-

ная воля. Конечно, в основе, в ноль-пункте Вселенной — гигантский творческий потенциал, дарование гения... Но и труд не меньший. Дисциплина, собирание личности, самообладание — это плоды черновой, черной работы над озадаченным замыслом.

«Пушкин обладал активным, одухотворяющим окружающую жизнь гением: он не подчинился окружающему, а преобразил его» (Ю. М. Лотман). Но ведь была и механика этой активности, — когда он занавешивал окно у себя в кабинете, чтобы не отвлекаться на внешнее, не глазеть... Когда закалял и физически упражнял свое тело; когда, наконец, неотступно искал единственное слово и находил его. В сей-то миг и совершалось преображение. Словом, приравненным к поступку, он преодолевал инерцию и косность мира.

Мастер, владеющий своим искусством, неизменно борется со смертью и побеждает ее. Это входит в его профессиональный опыт. Если он, конечно, соработник, а не соперник Творца. Залог его бессмертия — в творчестве, согласном с Высшей волей. За плечами у Пушкина, отнюдь не хилыми, стоял недюжинный опыт, не оставивший его и на смертном одре.

И потому, когда она уже подошла вплотную, когда когтила и терзала свою добычу, он назвал ее приступы вздором, зная, что преодолима и боль, и то, что последует за болью.

Перед своей свадьбой, осенью в 1830 году Пушкин поехал в Болдино и застрял там почти на три месяца из-за вспышки холеры. Болдинская осень обогатила русскую литературу собранием шедевров, среди которых — новелла «Метель». Прежнее написание «Мятеж» точнее дает семантику этого слова. Мятеж-мятеж — слова и явления одного корня. Вспомним лермонтовское: «А он, мятежный, ищет бури...» Только Пушкин в пору семейной жизни бурь не искал. Скорее они его искали, провоцируя направленное сопротивление. Пушкин «властно преображает мир, в который его погружает судьба, вносит в него свое душевное богатство, не дает «среде» торжествовать над собой» (Ю. М. Лотман).

И свободы, в отличие от Лермонтова, он тоже не ищет. Она — в пушкинской натуре. Но сейчас, на пороге новой жизни, он как бы узаконивает ее нравственным ограничением, истинным родственным кругом. «И познаете истину, и истина сделает вас сво-

бодными» (Ин. 8:32) — внушала арфа серафима, которой с недавних пор «внемлет в священном ужасе поэт».

Что же происходит в «Метели», рассказе, казалось бы, искусно выстроенном, а на самом деле прихотливо и естественно разросшемся из одного зернышка. Это зернышко и есть заповедный закон — заповедь, преступать которую недопустимо. Это понимают двое

молодых людей, Марья Гавриловна и Бурмин, якобы случайно поставленные пред аналогом. Жених и невеста, венчаясь, дают обет верности. Таинство брака соединяет их навеки. Недаром говорится, что браки совершаются на небесах. Человек не волен расторгнуть то, что скрепляется свыше. Или, как учит Христос: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает». (Мк. 10:9).

Обстоятельства свели их в смутное для каждого время. Марья Гавриловна в ту пору была романтически влюблена... Бурмин, гусар и повеса, не придавал значения своим легкомысленным поступкам. Метель, разыгравшаяся в роковую ночь, давно уже захлестнула их сердца. И сейчас явилась воплощением хаоса, того самого «родимого», близкого душе русского человека. Герцен остроумно подметит эту близость, зависимость душевного состояния от... погоды.

Итак, венчанные не по любви, а по обстоятельствам, Бурмин и Марья Гавриловна расстанутся на-

долго. Та же метель разбросала их. Однажды они почувствуют, что любят друг друга. Между этими событиями — венчанием и любовью — прошло, пролетело смутное время. Но метель улеглась, обстоятельства прояснились, и оказалось, что оба не нарушили обета. Оба оставались верны в эти годы — кому? Друг другу? Не только! Чему? Долгу! — который не был для них пустой формальностью. Он-то и свел их в конце концов в настоящей любви, высвободил из круговерти. Ничего фатального нет в этой истории. Она закончилась так счастливо потому, что в ней участвовали человеческая воля и верность.

В преддверии свадьбы Пушкин явно сознавал чудесную силу нравственного долга, убежденный в том, что настоящая любовь — итог жизни, плод неукоснительной верности. Только верные долги: Богу друг в друге — обретают себя и друг друга; тогда многое становится понятным и как будто обусловленным, даже «бессмысленное» прошлое.

Обостренный интерес в наше время к Наталье Николаевне, к «семейной ситуации» Пушкиных вызван жгучей потребностью в претворенном идеале, стремлением соотнести идеальный и реальный план жизни.

На пороге новых событий, делая решительный шаг, Пушкин нуждался в настоящей опоре. «Средь горестей, забот и тревоженья», среди шевелящегося хаоса жизни проступала сокровенная реальность, отвечающая чаяниям его духа. Она обнаруживается во многих вещах, написанных здесь.

«Замыслил я побег...»

Имя Пушкина и понятие «свобода» как-то сами собой с детских лет неразрывно связались в нашем сознании. Жажда свободы всегда жила в пушкинских стихах, билась в его сердце, как море в прибрежные скалы. Она-то и стоила поэту в юности ссылки в южный край. В те годы несвобода для Пушкина была связана прежде всего с ограниченным, стесненным пространством, с удушающими условностями лживой цивилизации, с цепями рабства и государственного деспотизма. Это тот насильственно очерченный круг, в котором задыхаются и который всеми силами стремится разорвать герои его «южных поэм»: и кавказский пленник, и братья разбойники, и Мария, и Алеко. Один из постоянных мотивов, прочно вошедших тогда в пушкинскую поэзию, — побег, освобождение. Он имел конкретное пространственное значение, подчас даже перекликался с жизненными обстоятельствами и замыслами поэта, как, например, в стихотворении «К морю»:

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный берег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Живя в Одессе, Пушкин, как известно, замыслил побег через море в Константинополь.

Да и позже эта ненасытная жажда свободы во многом выражалась у Пушкина пространственно. Она находила выход в страсти к путешествиям, необходимым поэту, по его собственному признанию, «нравственно и физически». Как в 1829 году, когда Пушкин неожиданно отправился на Кавказ к театру военных действий, за что потом подвергся «отеческому» разносу Бенкендорфа: почему, дескать, уехал самовольно?

Империя не хотела отпускать поэта и после его смерти. Достаточно вспомнить рык того же Бенкендорфа в Конюшенной церкви: «Почему положен во гроб не в мундире?» Пушкин сам завещал похоронить себя во фраке, а не в камер-юнкерском «полосатом кафтане», что тоже было своего рода «побегом». Мандельштам, который относился к Пушкину с таким грозным благоговением, что даже избегал прямо называть его имя в стихах, писал в 1913 году:

Заснула чернь. Зияет площадь аркой.
Луной облита бронзовая дверь.
Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой,
И Александра здесь замучил Зверь.

«Зверь», написанный с заглавной буквы, был, конечно же, державной породы, сродни зверям из Книги Даниила. Хватку его когтей Пушкин испытал на себе не раз. Довелось поэту стать свидетелем и губительных претензий кесаря распоряжаться Божьим, насильственного, тупого оказывания евангельской свободы со стороны государства, о чем он с горечью говорил в стихотворении «Мирская власть»:

Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности предать Царю царей?

А в лирике «южного» периода заветное, не укротимое ничем стремление Пушкина вырываться из заточения на вольные просторы, на свободу слышится во всем нам памятном с детства стихотворении «Птичка»:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью:
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать?

В России обычай выпускать птиц из клеток был связан с праздником Благовещения — днем, когда архангел Гавриил возвестил Деве Марии, что Она родит Освободителя человечества от греха и смерти. Тогда еще не обратившийся всем сердцем к Богу Пушкин, тем не менее, интуитивно,

поэтическим наитием почувствовал, что свобода творения коренится в воле Творца.

В зрелые годы пушкинское понимание свободы обретает новую глубину. Она осмысливается теперь не столько как внешняя, социальная, политическая, но прежде всего как внутренняя, личная, перемещается в пространство духа. Это независимость частного человека, главы семейства («семейственную неприкосновенность» Пушкин считал важнее политической свободы), литератора, наконец, — словом, все то, что поэт с предельной отчетливостью сформулировал в одном из лучших своих тогдашних стихотворений «Из Пиндемонти».

И все же мотив побега по-прежнему дает о себе знать. В 1834 году, изнемогая от пустых обязанностей убивающей время и душу придворной жизни,

Пушкин мечтает вместе с семьей покинуть столицу и перебраться в свое имение – «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Тогда же он пишет стихотворение «Пора, мой друг, пора...»

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Рядом со стихотворением Пушкин записывает: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть».

Теперь «поэтический побег» Пушкина все явственнее направляется к бытийственному, сущностному, из цепко державшего поэта царства суеты и фальши – в царство свободы и духа, царство горнее. Как труден был этот побег, Пушкину довелось изведать сполна:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Одно из последних и самых глубоких стихотворений Пушкина, связанных с темой побега, – «Странник». Оно было написано в 1835 году по мотивам книги английского писателя Джона Беньяна

«Странствие паломника». Но Пушкин брал из мировой литературы только то, что откликалось в его собственном внутреннем опыте. Герой стихотворения видит, что город, в котором он живет, обречен на гибель, однако домашние, друзья и соседи остаются глухи к горьким пророчествам (подобную глухоту хорошо узнал и сам Пушкин). Странствуя, пилигрим переживает встречу, изменившую всю его жизнь:

И я: «Куда бежать? Какой мне выбрать путь?»
Тогда «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» –
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
«Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» – И я бежать пустился в тот же миг.

Последний «побег» Пушкина происходил незримо для посторонних и даже для самых близких. Он совершался в глубине духа. Это был поворот к евангельским основам бытия. С ним преображалась и наполнялась новыми смыслами поэзия Пушкина.

Григорий Зобин

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, ЧТО ОН СЛЫШИТ

Александр Зорин

Жаль уходить из жизни этой,
Строкою Пушкина воспетой,
Да, да, еще и потому,
Что в ней есть Пушкин – равный чуду.
Пока дышу, дивиться буду
Неоценимому ему.

Вдруг беспричинно тяжело станет...
Вдруг некто сумасшедший ранит –
Письмо зловещее придет.
Как можно вразумить больного!
Смириться можно. Право слово:
Ведь «все мгновенно, все пройдет».

Он всюду и в семейном круге.
Его чарующие звуки
Не заполучишь в мир иной.
Расстаться предстоит и с ними...
На миг? Навеки? Как с родными –
С друзьями, с дочками, с женой...

29 января 1837 года

Уже он был на смертном ложе.
Уж теплился нездешний взор.
Вдруг ясно произнес: «Смешно же,
чтоб пересилил этот вздор
меня...»

Вздор – тяжесть грозная, тупая,
с рожденья по пятам ступая,
готова задушить вот-вот...
Вздор – разъяренных гарпий стая.
Терзающая живот.

Ему ль не совладать с напастью
убийственной... Зубы сжал.
Чудесной наделенный властью,
и не такое усмирал.

Поэт не в облаках витает –
под бременем трудов и дней.
Чем сдержаннее, тем вольнее.
Стихия форму обретает
и тайную свободу в ней.

И краски дивные, и звуки,
нет, не сводящие с ума...
Вздор – навалившиеся муки
земные... Да и смерть сама...

Виктория Лепко**Мне ближе скорбное молчание**

Мне ближе скорбное молчание,
Чем гром Победного парада.
Я помню ужас и отчаянье,
И вой военной канонады!
Как тишиной мы дорожили,
Как ждали каждого затишья!
Мы молча близких хоронили,
В слезах читали с фронта письма...
Каким кровавым испытанием
Была для Родины война!
И то Надеждой, то страданием
Вся наша жизнь была полна.
Да, мы Страну отвоевали,
Но какой страшную ценой!
И этот Праздник, День печали,
День Памяти еще живой!
Давайте встанем на колени
И молча головы склоним...
За Жизнь, за каждое мгновенье
Всех павших поблагодарим.

* * *

Гадают до сих пор: «Из-за чего
он дрался все же?..»
Исполнилась земная жизнь его
на смертном ложе.
Исполнилась, когда уже не мстил,
но примирился
с убийцами. Детей перекрестил.
И с ней простился.
Свершившегося не перечеркнуть!..
Оно кометой
прожгло короткий олимпийский путь
к вершине этой,
откуда новый начался подъем.
«Ну, подними же,
— сказал он Далю, — ну, пойдем, пойдем
по полкам, выше...»
О, легче сытой и обутой стать,
чем научиться
России бедной Пушкина читать —
слова провидца.
От истины не отвести удар —
да сплошь улики!
Страдание и совершенный дар
равновелики.
Не перестал тот день кровоточить.
Веленьем сердца
нам завещавший: и поэта чтить,
и страстотерпца.

Какая-то
мелочная
суета
жизни

В осколках слов изранена душа...

В осколках слов изранена душа...
Они бывают злобны и жестоки!
Слова нещадно нашу жизнь крушат,
В них ревности и зависти истоки.
Как уберечься от осколков слов?
Как не оставить душу на закланье?
Спасает жизнь Божественный Покров,
Там свет Любви сжигает злобы пламя!

Елизавета Шишова-Горская**Из поэмы
«Слово о Великой Смуте»****II**

В думах о русском народе,
не поднимаясь с колен,
целые ночи проводит
старец святой Гермоген.

Молится горестно, слезно,
верой глубинной горя.
Как же светлы иконы
Чудова монастыря!

Это что? Озаренье
или Божественный глас:
дать для народа воззвание,
дать — патриарший наказ?

Так на листе монастырском
зримо запечатлена
грамота Гермогена —
«чудо на все времена».

В ней Патриарх призывает
веру православную спасать,
без чужеземцев надменных
власть на Руси выбирать.

Кто эту грамоту переписал,
какой умножил монах?
Но много их увидит Русь
на монастырских листах.

Стонут набатные звоны
над горемычной землей.
В грамоте Гермогена
слышался клич боевой.

Елена Нигри**Мечты сиреневые**

Кабы я была сиреню,
То цвела бы круглый год,
Чтобы люди в удивлении
Восклицали: во дает!

Я росла бы у забора,
на бульваре, во дворе,
Чтобы люди, просыпаясь,
Сразу видели – сирень!

И искали бы «пятерки»,
И съедали бы цветы,
Мне не жалко, на здоровье,
Пусть сбываются мечты!

Я б сиреневым туманом
Заполняла все дворы,
Я б заглядывала в окна
И спасала от жары.

Чтобы сакура померкла
Пред моею красотой,
Чтобы люди вечерами
Любовались только мной!

Чтоб влюблялись под сиренью,
Забывая про мигрень,
А детей бы называли
Или Сирин, иль Сирень.

Ольга Ерохина

Пение в Новой Деревне

Старушки клиросные допевают тропарь, всю душу вкладывая в мелодию и слова. Теперь наша очередь, левого, молодежного хора. Слышим старушечье, нам посылаемое: «До – ля – фа!» Это называется антифонное пение: когда поем по очереди, то они, то мы, – в единении как бы диалога хоров. Поглядываем на них, ловя каждый знак, кивок, жест рукой, чтобы ничего не пропустить и не перепутать. Оля большая нараспев, речитативом, возглашает стих за канонарха, мы вглядываемся в старушечий клирос – так ли? Оля нас было пятеро, «имя им Ольгион», по слову отца Александра Меня. Были еще две Маши, Алла, Миша, Саша, Володя, Соня...

В конце всенощной оба хора сходятся у аналоя с праздничной иконой, поем вместе, а в середине поет с нами отец Александр.

Счастливым горьким дым ладана, родные лица, тихие цветные огоньки в лампадах. Расходимся, чтобы завтра еще до света прийти сюда вновь, на литургию. Мы – в «певческий домик», а наши старшие учителя, многие с палочками – кто куда: кому пешком, кому на автобус. Берут благословение у батюшки на обратный путь.

Когда мы с братом только-только начали петь со старушками (еще не было молодежного «хора им. Романа Сладкопеева», как его называл отец), это было как великая привилегия, хотя школа была суровой. Регентша, свирепая Ольга Михайловна, точным и не-

заметным быстрым движением пихала тебя в бок, если зазеваешься и запоешь «не туда»...

Имена их как музыка, и незабвенные лица, походка. Клав было три: Клава большая, Клава маленькая и совсем незаметная при своем немалом росте еще одна Клава. Маня, Мария, Маруся. Анна, Нюра. У Анны глаза были, как свет...

Мужчины: дядя Сережа, он всегда ходил в лес за елками к Рождеству и за березками на Троицу, устанавливал их симметрично при входе в храм, у крыльца, и внутри, по сторонам царских врат; Тимофей, низенький, ходил как-то с затруднением (может быть, у него был протез?), пел удивительно вибрирующим басом; Евгений, он приезжал к нам в храм из Загорска, где жил, и на Пасху он выносил из алтаря зажженный для крестного хода фонарь с цветными стеклышками; Кузьма Обрамич, звонарь, на моей памяти уже не

звонивший; Федор Васильевич, полслужбы пропадавший в алтаре, он всегда подавал нам оттуда чайничек с «теплотой» в конце службы. Не все певчие пели звучно, иные – почти совсем неслышно. Но хор звучал необыкновенно трогательно и чисто, тепло, с каким-то особым стариковским дрожанием, строго и деликатно, молитвенно. Когда скорбно до слез, а когда и с веселием, ликованием. «Ангел седая на камени гробнем» – пелось так естественно по-деревенски, что я была убеждена, что это народное, пока спустя годы не услышала в «городском» исполнении эту «партесную» вещь.

Я полюбила там, на клиросе, Клаву большую, ее пение низким-низким голосом, тенором, ее темное загорелое на огороде лицо, все неровное от морщин, как грецкий орех, ее глаза за очками, как бы всегда полные слез или готовые к слезам, и чтобы перенять ее пение, я пристраивалась к ней поближе, и понимание ее импровизаций шло как бы даже не через слух только, а напрямую, из ее бока в мой. Мы стояли почти в обнимку, и она пела – мне с назиданием, вглядывая иногда сквозь очки: понимаешь? Она пела свободно и точно, голос ее мог вдруг упасть вниз, незаметно придавая особо трогательное мгновение звучанию хора, или вынырнуть из синхронного пения и вдруг на полсекунды предварить общий аккорд – в полном одиночестве...

Здесь был Пушкин...

О малоизвестных местах, связанных с его именем

Речь пойдет о местах Москвы, в которых Александр Сергеевич бывал, которые он любил, ценил, но они – не «на виду». И, однако, чрезвычайно важны для постижения личности нашего гениального соотечественника. Таких мест в Москве много, мы расскажем лишь о некоторых...

Старая Басманная улица, 36. Дом родного дяди поэта Василия Львовича Пушкина, которого тот именовал «почтенный дядя мой». Этим домом, построенным в 1820 году на месте сгоревшего в огне московского пожара 1812 года, владела титулярная советница Пелагея Кетчер. Старший брат отца Пушкина арендует его в 1824 году. Василий Львович к тому времени уже был известным литератором и стихотворцем. Он тесно дружил с выдающимися творческими личностями того времени, а также входил в литературный кружок «Арзамас». Он объединял литераторов – сторонников нового «карамзинского» стиля в литературе. В кружке состояли Василий Андреевич Жуковский, Константин Николаевич Батюшков, Петр Андреевич Вяземский, Денис Васильевич Давыдов, Сергей Семенович Уваров и другие наши замечательные соотечественники. Заседания «Арзамаса» проходили в виде веселых дружеских встреч, где авторы читали свои произведения, об-

Василий Львович Пушкин.
Гравюра С. Ф. Галактионова

суждали их, спорили. Юный Александр очень любил своего дядю, часто оставался у него ночевать, присутствовал на встречах «арзамасцев», впитывал все, о чем там говорилось. Не так давно в этом здании создан дом-музей В.Л. Пушкина.

Со Старой Басманной перенесемся на Поварскую. Здесь нас интересуют сразу два дома.

Владение на углу с Борисоглебским переулком (ныне Поварская улица, 21/1) известно аж с конца XVII века. С 1763 г. по 1882 г. усадьба принадлежала семейству Даниловых. Именно у статского советника М.М. Данилова в 1807 году снял этот дом Сергей Львович Пушкин, отец поэта. Александр Сергеевич был тогда еще ребенком. Его семья прожила тут недолго, но именно в этом доме ее посещали Николай Михайлович Карамзин, Петр Андреевич Вяземский, Константин Николаевич Батюшков.

Другое здание на Поварской, связанное с именем Пушкина, – дом № 27. В первой трети XIX века дом принадлежал графу Н.А. Шереметеву и сдавался в наем. Пушкин бывал здесь не раз. В 1826-м тут жил его лицейский товарищ камер-юнкер Александр Бакунин.

В 1828 году половину дома, три комнаты в нижнем этаже, снимал близкий друг Пушкина подполковник Сергей Дмитриевич Киселев. Он служил в Лейб-Егерском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1837-1838 годах был московским вице-губернатором. Киселев тесно общался со многими выдающимися людьми того времени. В декабре 1828 года Пушкин здесь в присутствии хозяина, П.А. Вяземского, Ф.А. Толстого и А.А. Башилова впервые читал свою поэму «Полтава».

Александр Сергеевич был необычайно дружен с Денисом Давыдовым, хотя тот был старше на пятнадцать лет. В Москве существуют, по крайней мере, три адреса, где они встречались. В 1826-м

Пушкин навещал Давыдова в его доме на углу Арбата и Старо-конюшенного переулка (современный адрес – Арбат, 25; здание не сохранилось). Затем Денис Васильевич на несколько лет переехал в Большой Знаменский переулок, 17. Пушкин и там бывал не раз. Дом сохранился до наших дней. А в 1830-1831 годах Давыдов

Большой Знаменский переулок, 17

жил в одноэтажном особняке, принадлежавшем гвардии подпоручику Николаю Стрекалову, по адресу Смоленский бульвар, 3 (дом не сохранился). Где продолжал встречаться со своим другом Александром.

Виделись они и в других московских домах. Особенно часто – зимой 1831 года. В начале января гостили у Вяземского в Остафьево, затем встречались в его московском доме. 11 февраля Давыдов навестил Пушкина в его арбатской квартире, а 17-го присутствовал там же на мальчишнике, устроенном Пушкиным накануне свадьбы.

Дружеские отношения связывали Пушкина также с таким интереснейшим и замечательным человеком, как Михаил Федорович Орлов – зять генерала Николая Николаевича Раевского, генерал-майор, участник наполеоновских войн. Именно он подписал с российской стороны условия капитуляции Парижа в 1814 году. Впоследствии декабрист. Пушкин был знаком с Орловым еще по об-

Денис Васильевич Давыдов.
Гравюра Карла Гампельна

ществу «Арзамас». Они встречались не только в Москве, но и в Кишиневе, Киеве, Одессе. В Москве же – еще и у Чаадаева, Вяземского и других общих знакомых и приятелей. В 1831–1834 годах Орлов жил на Малой Дмитровке, 12. Дом этот сохранил-

ся до наших дней. Во второй половине 1830-х годов Михаил Федорович переселился в Николопесковский переулок близ Арбата (нынешний адрес – ул. Вахтангова, 12). Пушкин бывал у Орлова по обоим адресам. Он очень любил беседы с этим умным и сильным духом человеком.

Еще одно имя – Александр Яковлевич Булгаков. В 1812 году он был сотрудником тайной канцелярии главнокомандующего в Москве графа Ф. В. Ростопчина, затем служил в Московском архиве коллегии иностранных дел, а с 1832 года являлся московским почт-директором. Оставил интересные сочинения. Пушкин посещал Булгакова в 1829 году, когда тот жил с семьей по адресу Арбат, 20 (дом, увы, не сохранился). Особенно часто они виделись зимой 1831 года. 27-го февраля Булгаков был у Пушкиных в их арбатском доме.

А поблизости от нашего храма Пушкин вместе с его будущей женой Натальей Гончаровой посещал балы у генерал-губернатора Москвы Дмитрия Владимировича Голицына, в его доме по адресу Тверская улица, 13. Дом этот, творение Матвея Казакова – хотя уже и в перестроенном виде – и поныне украшает наш город. В 1820 – 1830-е годы князь Голицын устраивал здесь знаменитые балы и маскарады.

Григорий Бродский

Поварская, 21. 1890 г.

Поварская, 27

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Роза Адамянц, Владимир Ерохин, Ольга Ерохина, Александр Зорин, Александр Кремлёв, Ольга Лашкова, Ирина Языкова
Редактор выпуска: Владимир Грудский

Дизайн и компьютерная верстка: Татьяна Корикина
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2
Тел.: +7 (495) 935-09-72; +7 (903) 287-14-40
e-mail: vsemenovich@yandex.ru или irinayazykova@yandex.ru
с указанием темы письма: «Для "Приходской Газеты"»